

Глава вторая

О термине „сознание“

Признавая огромное значение фактов, добытых объективным методом и считая последний весьма ценным орудием научных исследований, многие психологи все же не хотят признать за этим методом исключительной и решающей роли в изучении личности. Основные их возражения сводятся к тому, что раз существуют психические явления, а объективисты или вовсе их не признают (Watson), или игнорируют при своем исследовании, то, следовательно, их изучение неполно: остаются чрезвычайно существенные признаки личности, которые не захвачены исследованием, и не учтено их влияние на поведение личности, и так как высшая деятельность человека особенно социального характера как раз характеризуется „сознательностью“, то без учета последней трактовка поведения немыслима. Объективный метод, или, как критики отождествляют, рефлексология годится лишь для изучения элементарных, автоматических рефлексов, но никак не для изучения „сознательной“ деятельности. В этом последнем случае вопрос должна решать психология.

Все эти возражения, как нам кажется, проистекают в силу нескольких причин.

Раньше всего, критики под термином „рефлексология“ совершенно неосновательно смешивают в одну кучу и рефлексологию Бехтерева, и учение об условных рефлексах Павлова, и бихевиоризм американцев. А все эти направления значительно отличаются между собою, о чем мы уже упоминали выше и еще будем говорить ниже.

С другой стороны, многие авторы в своей критике недостаточно разграничивают оценку метода от оценки той или иной концепции во всем ее содержании. Ведь и учение о высшей нервной деятельности Павлова, рефлексология Бехтерева, бихевиоризм Watson'a, реактология Корнилова оперируют одним и тем же объективным методом, но развиваемые

ими концепции далеко не одинаковы как по своим предпосылкам, так и по конечным целям.

Поэтому мы и сочли более правильным выделить вопрос о самом методе, а говорить о значении приведенных выше концепций необходимо в отдельности.

Но еще более повинно в этом споре то разнообразное толкование, которое придается разными авторами терминам „сознание“, „психическая деятельность“, что зависит от различий или невыдержанности в гносеологических предпосылках, а также многозначности этих терминов, почему мы считаем необходимым раньше всего обсудить вопрос о самом этом термине.

Для идеалиста и материалиста, дуалиста и мониста эти термины обозначают совершенно разные понятия, но положение еще более усложняется, когда один и тот же автор, будь то материалист или идеалист, в одних случаях вкладывает в эти термины идеалистическое содержание, а в других — материалистическое. Причиной таких парадоксальных случаев является нечеткость нашей терминологии, в результате чего скрывающиеся под вербальным термином понятия становятся расплывчатыми и многозначными, а „неточные понятия, говорит Блейлер, когда они считаются точными, больше вредят правильному пониманию, чем незнание“.

Еще Ферворн весьма определенно указал на значение речи для нашего мышления и в ее неточности видит один из важнейших источников всех недоразумений, заблуждений и противоречий, особенно при изучении вопроса о связи тела и „души“. Он говорит: „Неудивительно, что представление о дуализме телесных и душевных явлений совершенно поработило наш язык. Оно оказало такое глубокое влияние на образование и развитие языка, что слова, которыми мы пользуемся, посредством которых мы обсуждаем вопрос о теле и душе, возникли под влиянием этого представления. Когда мы говорим о материи и духе, о теле и душе или о физиологии и психологии, то, употребляя эти слова, уже берем за исходный пункт дуалистическую точку зрения. Хотим ли этого, или нет, мы все равно пользуемся дуалистической речью, а последняя сама собой ставит нас на почву дуализма. Поэтому так необыкновенно трудно освободиться от дуалистического понимания. Если, например, мы примем, что обманчивость двойственного представления о теле и душе для нас доказана, и станем рассуждать с кем-нибудь на тему о теле и душе, то рассуждение наше будет беспрестанно страдать от этой

терминологии, господствующей через язык над нашей мыслью (курсив наш, В. П.). Если же мы захотим создать другие слова, то они с самого начала будут неверно поняты. Так дуалистическая терминология *тиранит язык и мысль человека* (курсив наш, В. П.) и представление о дуализме через посредство языка так вторгается в повседневную жизнь, что, наконец, совершенно входит в плоть и кровь человека. Нам трудно отказаться от этого представления. Таким образом, здесь лежит источник многочисленных и разнообразных затруднений и недоразумений. Но, зная источник, можно, по крайней мере, до известного предела, уберечься от недоразумений, почему и необходимо всегда иметь его в виду. Вопрос усложняется еще тем, что научное исследование открыто покровительствует идее дуализма тела и души в том виде, в каком она вошла в обиход повседневного мышления всех народов мира, и некоторым образом санкционирует дуалистическое представление через учение, повидимому, получившее в последнее время особенную поддержку от психо-физиологического исследования, я разумею *учение о психо-физическом параллелизме*¹.

Вот эта взаимная зависимость мышления и языка особенно сказывается в отношении термина „сознание“ и обозначаемого этим термином понятия (содержания).

Инженьерос говорит: „Покуда слово „сознание“ употребляется для обозначения различных вещей, никакое изучение его невозможно. Ни один философский термин не употребляется со столь различным значением, как этот“².

Поэтому представляет чрезвычайно важным выяснить, в каком же смысле употребляется термин „сознание“, т. е., какое содержание обычно вкладывается в этот термин, и какое должно быть придано ему.

Раньше всего, если мы посмотрим, как этот термин употребляется в обычном житейском обиходе, то явственно увидим, что употребляется он для обозначения самых различных явлений. Так, в обыденной речи мы встречаем такие выражения: „он потерял сознание“, „к нему вернулось сознание“ (после обморока, наркоза, но и после совершения чего-либо под влиянием заблуждений), „необходимо всякому гражданину быть сознательным“, „сознание своего долга“, „он теперь стал уже сознательным человеком“, „непроизвольные, бессознательные“ и „произвольные, сознательные действия“, „он сознался в своем преступлении“,

¹ М. Ферворн — „Механика душевной жизни“.

² Инженьерос — „Принципы биологической психологии“.

„народное сознание“, „самосознание“ и т. д. Во всех этих словосочетаниях термин „сознание“ обозначает самые различные явления, или, как говорят, употребляется в разном смысле. Особенно ясно будет видно это многообразие значения, например, в таком словосочетании: „сознание долга заставило его сознаться в своей вине“. Что этим термином обозначаются разные вещи и явления, видно и из того, что при этой разнообразной терминологии можно видеть наличие одного рода обозначаемых этим термином явлений без других, например, не будучи в обмороке, т. е. имея сознание, можно быть сознательным и несознательным гражданином; будучи сознательным гражданином, можно совершать бессознательные произвольные действия (например, мигание, почесывание и т. д.); будучи несознательным гражданином, совершать произвольные сознательные действия, и при этом не быть в обмороке. Если бы этот термин имел только одно значение, то такие словосочетания были бы немыслимы.

Из этих примеров мы видим, что термин „сознание“ и производные от него „сознательный“ „сознавать“ употребляются для выражения самых разнообразных состояний, служа то для обозначения физиологических состояний (потерять сознание), то, будучи синонимом терминов „знание“, „признание“, выражает собой понятие так называемого интеллектуального или морального порядка. Совсем особое значение в выражениях: „народное сознание“ и „самосознание“.

Следовательно, в житейском обиходном языке нет такого единого состояния, явления, или совокупности определенных условий, которые с цифически обозначали бы этот термин. Поэтому апелляция просто к „сознанию“ всегда неопределенна, если предварительно не уточнено, в каком смысле употреблен термин, или же он не сопровождается дополнительными словами, оттеняющими общую концепцию фразы. А в обыденной жизни этот термин часто именно так только и употребляется (в одиночку) и не только в описательных целях, но, как *объяснительный аргумент*, особенно при разрешении вопросов о поведении, что, конечно, ведет к величайшим ошибкам и заблуждениям. Этому способствует то обстоятельство, что при всем многообразном значении термина „сознание“ во всех случаях его употребления обыденное мышление вкладывает в него общую черту, или признак — именно, некую метафизическую активность, которая и служит основным началом всех состояний, обозначаемых этим термином. В этом случае язык несомненно

отражает житейские верования в особые нематериальные сущности, управляющие деятельностью человека и вообще живых существ, о чем мы уже говорили при рассмотрении вопроса о житейских обоснованиях законов поведения, сводящихся к признанию активного влияния на поведение души или же душевных способностей, каковые и обозначаются терминами „сознание“, „сознательность“ и т. п.

Следовательно, эти термины в обыденной речи выражают господствующее воззрение на природу человека проникнутые в той или иной мере дуализмом и телеологизмом. Таким образом, этот краткий анализ обыденного словоупотребления термина „сознание“ приводит нас к выводу, что определенного, постоянного, специального содержания этот термин в обычной речи не имеет, но за то способ его употребления и общий характер вкладываемого для разных случаев, хотя и разного содержания, указывает довольно четко и определенно тип того мировоззрения, которое присуще до сих пор общежитейскому мышлению. Еще более мы в этом убедимся, если попытаемся рассмотреть те значения, которые придаются этому термину в научной литературе. И здесь мы увидим, что этот термин употребляется не для обозначения чего-либо однообразного и специфического, а в применении и особенно в определении его тем или иным автором сказывается общее мировоззрение автора, и, главным образом, его философских предпосылок в вопросах „духовного“ и „телесного“.

Обратимся за справкой к словарю философских понятий (Dr R. Eisler — Wörterbuch der philosophischen Begriffe). В отделе о „сознании“ (Bewusstsein, συνείδησις, conscientia cogitatio) читаем: „Сознание“ (consicientia, cogitatio) означает связанное единство психических переживаний в одном индивидуе (индивидуальное сознание) или в социальном объединении (коллективное сознание, общественное сознание). Сознанием в наиболее широком смысле называется родовое понятие всех психических процессов, их общая сущность, их типичность, как переживание, для личного бытия (Für-ein-Ich-sein)“.

„Рассмотренное со стороны личного Я (Vom Ich ausgesetzt) сознание — это субъективная деятельность, известное состояние, модификация нашего „я“. Рассмотренное со стороны объектов (Von den Objecten ausgesetzt), сознание является выражением того обстоятельства, что нечто (etwas) известное содержание, вступило в связь с личностью (in den Zusammenhang des Ichs getreten ist), или в ней уже находится, или находилось. В более узком смысле сознание —

это отмеченное переживание (или апперцепция) (aufmerksames Erlebniss s. Apperzeption), а в самом узком смысле — это осведомленность (Bewusstsein) или знание, отраженное сознание (reflektiertes Bewusstsein) и к тому еще самосознание“.

„Сознание—несамостоятельное и изолированное от переживаний, существующее бытие (Wesenheit), деятельность или свойство, но оно дано внутри или совместно с психическим (в различных степенях активности и ясности)“.

„Таким образом, оно и его единство обладают непосредственной реальностью (Wirklichkeit), причинным характером, оно — первоначальный, а не производный фактор всего психического (alles psychischen Geschehens). Оно всегда обладает я - моментом (Ich - Moment) и рядом положительных определенностей (содержание сознания).

Каждый процесс, который характеризуется, как „сознательный“, в такой же мере является „процессом сознания“.

„Сознание вообще“ — это гносеологическое условие всего сознаваемого, просто субъективная сущность (die Subjectivität) — независимо от индивидуального сознания, но для него имманентно (aber diesem immanent).

Физическое, как таковое, является объектом „сознания вообще“ (des „Bewusstseins überhaupt“) и этим самым отличается от индивидуальных переживаний, как таковых, исключая сущность объектов (abgesehen von dem „An sich“ der Objecte), которая, как чужое сознание, никогда не может стать объектом, она сама является чем-то аналогичным (активно - реактивному) сознанию“.

После столь обстоятельного определения автор, однако, указывает, что „der Begriff „Bewusstsein“ wird von verschiedenen Philosophen verschieden bestimmt, и на протяжении почти десяти страниц убористого шрифта приводит определения сотни авторов, начиная от Платона и до наших дней¹. Во всех этих определениях не только нет единства, но всегда в них сказывается то или иное отношение к вопросу о „душе“ или душевным способностям. В то время как одни авторы ничего другого, кроме субъективных переживаний не обозначают этим термином, другие в термин и понятие „сознание“ вносят понятие о силах души, о синтетических

¹ Повидимому, у Платона и Аристотеля термина „сознание“, употребляемого в виде имени существительного, не встречается (συγγείσσις) и в этом виде оно появляется значительно позже. В немецкой научной литературе термин „Bewusstsein“ впервые введен в середине XVIII столетия Христианом Вольфом на смену слова „апперцепция“, употреблявшегося Лейбницем в смысле „сознание“.

способностях, активности сознания и т. д. И это неудивительно, так как понятие „сознание“ неотделимо от вопроса о взаимоотношении „духовного“ к телесному, являющегося основной философской проблемой. Поэтому нельзя дать определения термину „сознание“ независимо от всей философской концепции автора. Отличие определения у одного автора сравнительно с другим зависит в конечном счете от различия их философского мировоззрения.

К чему, следовательно, привела нас попытка найти научное определение термина „сознание“? Собственно, к тому же, что и наша экскурсия в сферу обыденной речи: и в научной мысли этот термин охватывает многообразные и многоразличные понятия. Во всяком случае, он всегда относится к данным нашего субъективного опыта, однако, различно понимаемого, и это различие и придает специфический оттенок в окончательном определении. Следовательно, мы не можем противопоставить неточности и многообразию значения разбираемого термина в обыденной речи точность и четкость научной терминологии,—в интересующем нас случае и научная терминология также разноречива. Поэтому, раз нет единого научного определения этого термина и понятия, то это обязывает каждого автора при трактовке научных вопросов точно формулировать, в каком значении он употребляет этот термин, в особенности это правило должно иметь место при обсуждении спорных вопросов.

Если кто-либо станет, например, оспаривать выводы какого-либо исследования физиологического характера и укажет, что эти выводы неосновательны в виду того, что не было учтено, что экспериментальное животное лихорадило, то здесь ясно, о чем идет речь, но, когда психолог говорит, что объективное изучение физиологических механизмов какой-либо реакции неточно и неполно, раз не учтено сознание экспериментируемого, то он не может употребить этот термин, как указывающий на что-то однозначное и само собой разумеющееся, а ответ экспериментатора не может быть дан, пока критик не укажет, что понимает он в данном случае под термином „сознание“ — говорит ли он о субъективных переживаниях, как только о субъективном отображении исследуемых физиологических процессов, как особом лишь их качестве, подразумевает ли он какую-то особую самостоятельную реальность, регулируемую и направляющую физиологический процесс и т. д. При разном толковании употребленного критиком термина и ответ будет разный. Ведь, как выше указано,

термин „сознание“ трактуется разными философами и психологами для обозначения различных понятий.

Приведем несколько цитат из разных авторов, чтобы наглядно демонстрировать это положение. Так, например, автор „Биологической психологии“ Инженерос говорит: „Биологическая психология может категорически заявить, что не существует такой реальности, которую можно было бы назвать „сознанием“. Оно есть абстракция, которой не соответствует никакая конкретная реальность. „Сознание“ не существует, не существует даже интуитивно, а существует только сознательность „чего-то“, что отличается от сознания только через абстракцию таким же образом, каким мы в абстракции отделяем форму от содержания. „Сознание“ существует только как качество общее известным психическим явлениям. Как мы можем иметь „сознание“ без сознания каких-либо определенных явлений? — Это сознание без реального содержания есть лишь абстрактное выражение возможности иметь особые „состояния сознательности“. Перед нами лишь образное выражение нашей речи, некоторая общая формула, примененная к различным конкретным явлениям, *объективированная абстракция*. Вполне основательно было сказано, что, как „цвет“ не есть нечто существующее вне окрашенного в этот цвет объекта, так „сознание“ не есть нечто, существующее вне сознательных явлений. Создав себе абстрактную идею цвета, как свойства, общего многим телам, и выразив ее через определенное имя существительное, мы потом склонны думать, что это слово обозначает какую-то реальность. Подобным же образом мы, узнав на опыте, что многие из наших психологических явлений сознательны, создаем себе абстрактную идею, обозначаем ее именем существительным „сознание“ и начинаем ее рассматривать, как самостоятельную реальность, существующую самое по себе и без особых сознательных явлений“.

Для других же авторов „сознание“ и „содержание сознания“ является чем-то различным, и „сознание“ у них трактуется, как особая деятельность, как нечто активное.

Наиболее замечательным представителем этой динамогенной теории сознания является Бергсон, говорит Инженерос, и приводит далее слова Бергсона: „Во всех моих работах, начиная от самых старых до последних, я стараюсь показать, что „сознание“ является деятельным и истинно творческим“.

Такую же активность приписывает „сознанию“ и Челпанов: и для него оно есть нечто другое, чем психическое

переживание. Приведем несколько выдержек из его „Очерков психологии“. „Мышление является истинным выражением спонтанности, активности человеческого сознания (стр. 168)“. „Когда возникает какое-либо сомнение, то вместе с этим возникает и намеченная задача, для разрешения которой представления *располагаются нашим сознанием* (курсив наш, В. П.) в определенном порядке“ (стр. 169). „Благодаря вниманию, содержание представлений и ощущений располагается в нашем сознании не само произвольно, а им придается тот или иной порядок. Именно, внимание выделяет и отбирает те или иные содержания ощущений и представлений и вообще душевных переживаний“ (стр. 137). „Процесс ощущения есть душевное переживание, получающееся вследствие воздействия внешних свойств *на наше сознание* (курсив наш, В. П.)“.

Можно было бы привести еще много выдержек, но достаточно и этих, чтобы показать, как понимается некоторыми авторами „сознание“. Здесь „сознание“ отрывается от психических явлений (абстрагируется), „психические явления“, „содержание сознания“ и „сознание“ — все эти различные явления и в этом случае „сознание“, по словам Инженероса, „представляется какой-то таинственной, неопределимой сущностью, какой-то субстанцией, веществом или силой, но всегда чем-то, существующим в себе, какой-то реальностью“. И дальше он пытается выяснить, где источник подобных воззрений. „Но как может эта реальность, если она существует, ускользнуть от нашего актуального или возможного опыта? Как она может быть реальностью для нас, не будучи феноменом, явлением. И если она есть феномен, то как мы можем его знать, если он недоступен нашему опыту. — Все эти вопросы невольно наводят на мысль, что философы и психологи стали жертвой чисто словесной иллюзии, обязанной своим происхождением многозначному языку, созданному рационалистическим анимизмом и укрепившемуся в результате долголетней схоластической традиции“.

К этим словам мы добавим еще сказанное Плехановым о Бергсоне¹: „В обращении с мыслями он является настоящим мастером... А. Бергсон почти всегда поражает своею ловкостью даже там, где он ошибается... А. Бергсон похож на софистов и в том отношении, что *положительный* результат его чрезвычайно искусных логических упражнений весьма невелик... Но при ближайшем рассмотрении дело

¹ Плеханов — „Анри Бергсон“. Т. XVII, стр. 138.

становится совершенно понятным... в *общем*, он не умеет освободиться от влияния господствующей теперь между философами *склонности к идеализму*... Бергсон поистине является жертвой своего неумения разделаться с идеализмом...“.

Теперь для нас должно еще быть более убедительным высказанное уже вначале положение, что понятие „сознание“ (а вместе с этим и термин) в теснейшей зависимости находится от общефилософских взглядов автора, поэтому во многих случаях разрешение какого-либо спорного вопроса не может быть достигнуто вследствие разных отличий в гносеологических предпосылках спорящих. Ведь, не может материалист-монист никогда договориться с правоверным параллелистом, хотя бы по вопросу о взаимовлиянии духовного и телесного и, как мы выше говорили, даже самая постановка вопроса для мониста неприемлема.

К таким именно неразрешимым вопросам в споре идеалиста и материалиста относится и поставленный нами вопрос о возможности исследования механизмов психорефлекса без учета сознания, так как это последнее понятие тем и другим расцениваются совершенно различно, и этот вопрос может получить обоюдное согласованное решение лишь у лиц одинакового философского направления. Поэтому по вышеуказанным причинам спор по этому вопросу с представителями явного идеализма представляется совершенно излишним и безрезультатным, так как придется уже спорить не по поставленному частному вопросу, а придется перенести его в область философии.

Но разрешить этот вопрос с точки зрения материалистического мировоззрения необходимо, так как этот вопрос приобрел особо острый характер именно вследствие нападения на объективистов со стороны тех, кто причисляет себя к материалистическому лагерю.

К сожалению, одним словом нельзя ограничиться в ответе, и для того, чтобы достаточно аргументировать ответ и быть правильно понятым, необходимо предварительно уточнить понятия и обусловить терминологию, дабы не впасть в сети вербальной путаницы.

Попытаемся же раньше всего установить то содержание терминов „сознание“ и „психика“, которое должно вытекать из материалистического монизма. Выше указывалось, что термином „психика“ или „психический“, материалистический монизм обозначает весь тот мир субъективных переживаний, который открывается человеку в его личном самонаблюдении, в виде его чувств, ощущений, желаний и т. п.

Эти явления рассматриваются не как проявления особой какой-либо нематериальной (души) или материальной (энергии) сущности, а лишь как особое новое качество той же единой материи, приобретенное как результат ее (материи) эволюционного усложнения. Подходя к этому вопросу диалектически, современный нам материализм полагает, что это свойство психичности принадлежит материи не во всех условиях ее существования, а лишь при некоторых, — именно, когда оно является в форме органических структур животного царства, появляясь, таким образом, в виде скачка. Эти психические явления, наблюдающиеся в животном мире, являются такими же материальными, как и остальные их физиологические процессы, и, не будучи тождественны с ними, первые являются только особым качеством последних. Таким образом, материализм настаивает на том, что так называемые психические явления оказываются лишь свойством особых форм материи, именно, высокоорганизованной живой материи, и что они являются лишь субъективным качеством физиологических процессов. „Существо, чувствующее, что в нем происходит ощущение“, — говорит Плеханов, — „есть материальное существо, организм, испытывающий на себе действие внешнего предмета. Действие это состоит в том, что так или иначе приходят в движение те или другие части организма. Это движение известных частей организма *вызывает* известное ощущение, но оно *не тождественно* с ощущением: оно представляет собой лишь *объективную* сторону того самого явления, которое с *субъективной* стороны, т. е. *тому существу, в котором совершается этот процесс движения* — представляется, как ощущение. У Чернышевского, как и у Фейербаха, эти две стороны явления — субъективная и объективная — теснейшим образом связаны между собой, но они не отождествляются одна с другой. Напротив, Чернышевский, подобно Фейербаху, восстал бы против такого отождествления, потому что справедливо увидел бы в нем бессознательное повторение одной из коренных ошибок идеализма, — мнимое разрешение антиномии между субъектом и объектом посредством устранения одного из ее элементов“¹.

Таким образом, психические явления являются субъективной стороной (качеством) физиологических процессов. Однако, следует указать, что, устанавливая с определенностью материальную природу психических явлений, трактуя

¹ Плеханов — том V, стр. 198 - 199.

их, как особое качество физиологических процессов (субъективная сторона), считая, что эти особые свойства появляются в виде скачка лишь при условии высокой организованности материи, не все авторы с одинаковой согласованностью, однако, устанавливают тот момент усложняющийся материи, где впервые можно предполагать наличие этого качества. Плеханов по этому вопросу говорит следующее (т. XVIII, стр. 261): „При этом различные материалисты различно смотрели на эту способность материи обладать сознанием. Одни, например, Пристли и, повидимому, Гольбах, не высказывающийся, однако, вполне решительно, — полагали, что сознание возникает в движущейся материи лишь в тех случаях, когда она организована известным образом. Другие — Спиноза, Ламетри, Дидро — думали, что материя всегда обладает сознанием, хотя только при известной ее организации сознание достигает сколько-нибудь значительной степени интенсивности“.

Одни считают, что зародыши психических явлений можно наблюдать и в растительном царстве (Чернышевский¹, Энгельс², другие представители материализма относят его к животному царству и более даже узко — к свойствам нервной системы (Корнилов, Франкфурт). „Психика есть внутреннее субъективное состояние, имеющееся у субъектов в момент функционирования мозга, представляющее собой особое нетождественное с физиологическими процессами свойство нашего организма“ (Франкфурт). И еще более точно: „Таким образом, психика, субъективные переживания — это субъективная сторона происходящих в живых организмах, особенно же в человеке, физиологических процессов, является, как и всякое другое свойство материи, результатом скачкообразного изменения отношения *между частичками органической материи мозга, точнее — нервно-секреторной системы* (курсив наш. В. П.), но не представляет собой ни особой материи, ни отдельной вещи, ни составной части последней³.

„С усложнением строения материи, с переходом к специфической структуре клеточной материи, ее поведение усложняется, обнаруживая наряду с физико-химическими реакциями и те реакции, которые мы называем *органическими*. А у живых существ с высокоорганизованной нервной системой мы находим ясно выраженными и те внутренние

¹ Плеханов — том V, стр. 200, 210.

² Энгельс — „Анти-Дюринг“, стр. 40.

³ Франкфурт — „Под знаменем марксизма“, том VI. 1926.

*реакции их мозговой деятельности, что мы называем сознанием или мышлением в собственном смысле этого слова. Таким образом, то, что мы именуем психикой, есть не нечто противоположное материи, а есть лишь свойство наиболее организованной материи*¹.

Таким образом, высокоорганизованная материя здесь уточняется и сводится к материи мозга, и психические явления оказываются, таким образом, особым ее свойством, выявляющимся в процессе мозгового функционирования. Только мозговые процессы обеспечивают появление всего того, что мы испытываем в себе в виде всевозможных наших „внутренних“ состояний, и эти последние ни что иное, как субъективное или интроспективное проявление физиологических мозговых процессов. Иначе можно сказать, что физиологическая деятельность мозга переживается тем, в котором протекают эти физиологические мозговые процессы, в виде субъективных психических переживаний. Эти переживания и есть то скачкообразно полученное новое качество, которое приобрела материя в своей эволюции. Для материализма нет и не должно быть никакой надобности в допущении какой-то особой силы, кроме мозгового процесса, чего-то третьего, что бы порождало эти переживания. Эти переживания суть субъективное отражение бытия. Можно ли поэтому говорить, что эти переживания являются в нашем опыте не потому только лишь, что в нас протекают мозговые процессы, а что мы обладаем сверх того „душей“ или „сознанием“, благодаря которым эти переживания и становятся для нас реальностью?

С точки зрения материализма, конечно, не может быть и речи о таком допущении. Термин „сознание“ у всех авторов—последовательных материалистов—употребляется для обозначения интроспективно познаваемых нами переживаний, он равносителен термину „психика“ и служит для обозначения родового понятия для всех наших субъективных переживаний. Эти термины могут поэтому рассматриваться, как синонимы для обозначения одного и того же понятия, и во всяком случае они не должны, потому только, что они вербально различны, вести к тому, чтобы ими обозначать разные явления.

Таких разных явлений, таких различных, несходных субъективных качеств мозговых процессов нельзя допустить. Ведь, если мы говорим, что мозговые процессы сопровождаются особым качеством высокоорганизованной материи,

¹ Корнилов — „Современная психология и марксизм“, стр. 7 - 8.

именно—свойством субъективно переживаться, то как мы знаем об этом? Ведь только на основе личного нашего самонаблюдения, личного бытия, переживаемого опыта знаем это как реальность, следовательно, сознаем, то как можно иметь сверх того субъективные переживания, как реальность (а это возможно лишь при отнесении их к себе), не сознавая их в то же время. Если я имею, т. е. переживаю, какое-либо ощущение сладкого, теплого, красного, то только как свое, происходящее *во мне*, неотделимое от меня,— это и есть то, что называется „сознаю“; я „переживаю“ и „сознаю“ — одно и то же и неотделимо. Субъективное, психическое, только и известно мне и становится фактом моего опыта только потому, что я сознаю его и таким только образом знаю его. Когда Плеханов говорит¹: „Оно (движение) представляет собой лишь объективную сторону того самого явления, которое с субъективной стороны, т. е. тому существу, в котором совершается этот процесс движения, *представляется как ощущение* (курсив наш, В. П.), то спрашивается, каким образом это ощущение было бы известно, представлялось бы существу, если оно (ощущение) не сознавалось бы существом“.

Поэтому субъективные переживания, называемые психическими и отображающие собой мозговые процессы, могут быть или не быть, но когда они есть, то они сознаются, и они только тогда и бывают, когда они сознаются. Поэтому термин „сознание“ может лишь употребляться, как атрибут, как имя прилагательное при термине „психика“, или заменять его, исходя из того, что „психическо“ может быть только то, что сознаваемо. Поэтому мы считаем, что термин „сознание“ не может ничего другого обозначать, как только то качество высокоорганизованной материи (мозговых процессов), которые мы познаем в своем опыте, как определенную реальность, в виде разнообразных наших субъективных переживаний, именуемых также психическими. Мы совершенно не понимаем, как те, кто причисляет себя к материалистам, говорят о „психическом бессознательном“ (например, Фанкфурт, Выгодский). Где же критерий этой несознаваемой психики? Пусть нам укажут авторы, допускающие эти две психики, и разъяснят, надо ли признавать, что высокоорганизованная материя имеет два качества, из которых одно—это есть создаваемые нами субъективные переживания, а второе—несознаваемые. Что, какие это субъективные явления и почему они психические? К явлениям какого

¹ Плеханов — том V, стр. 199.

опыта они относятся — субъективного или объективного, или по терминологии Koffka — что это: Functions - Begriffe или Descriptions - Begriffe?

Мы так настойчиво останавливаемся на этом пункте потому, что нам кажется, что разделение наших субъективных переживаний на сознаваемые и несознаваемые ведет к тому, что этим именно устанавливается повод к абстрагированию характернейшего и определяющего признака (сознаваемость) психических явлений в нечто самостоятельное, и слово „сознаваемый“ превращается из имени прилагательного в имя существительное и тогда уже обозначает какую-то особую новую реальность, притом действительного характера.

Поэтому для нас несомненно, что те, кто причисляет себя к материалистам, не должны делить психику на сознаваемую и несознаваемую, а равно употреблять термин „сознание“ в каком-либо другом значении, чем родовое понятие для обозначения всех наших субъективных переживаний, единственным критерием коих является их сознаваемость. Во избежание же вербальной путаницы, а отсюда проистекающей и путаницы в понятиях, с полным успехом можно обойтись и вовсе без терминов „сознание“, „психика“, заменяя его менее многозначным термином „субъективные переживания“, обозначая этим субъективную сторону мозговых процессов.

После всего изложенного мы считаем возможным перейти к разрешению вопроса, возможно ли при объективном изучении любой деятельности, будь то элементарные реакции или высшие формы поведения (так называемая психическая деятельность), вести исследование только путем объективного метода без учета субъективных переживаний у экспериментируемого объекта. Необходимой методологической предпосылкой в нашем дальнейшем рассмотрении этого вопроса является определение терминов „сознание“, „психика“, как терминов, равнозначных термину „субъективные переживания“ (Erlebnisse). Все эти термины равноценно должны обозначать лишь то особое свойство высокоорганизованной материи, которое возникает при функционировании мозговых процессов, являясь их субъективным качеством.

Глава третья
*Возражения против объективного
метода и их критика*

Установив в предыдущей части то содержание термина „сознание“, которого следует придерживаться, исходя из взглядов материалистического монизма на природу субъективных состояний, перейдем теперь к окончательной оценке значения так называемого объективного метода.

В нижеследующем изложении мы должны, следовательно, дать ответ, возможно ли с пользой и достаточным научным основанием применить объективный метод к исследованию личности, и особенно той ее деятельности, которая сопровождается сознанием. И если возможно, то какого рода процессы при этом методе возможно в действительности исследовать и какого рода данные получить и как расценивать их значение.

Для уточнения еще раз напомним, что под именем объективного метода мы разумеем такое исследование личности, при котором предметом исследования служит ее объективно постигаемая (реакции!) деятельность, и законы этой деятельности исследуются лишь путем установления закономерных отношений между стимулами и реакцией, а также путем установления тех нервно - физиологических механизмов, с помощью которых эти стимулы воспринимаются и, трансформируясь внутрицеребрально в ответные импульсы, выявляются в тех или иных реакциях.

Субъективные же состояния самой личности, как они ею при этом переживаются, и субъективные мотивы ее действий оставляются в стороне; таким образом, все изучение построено на принципе „извне“, а не „изнутри“.

И вот, возникает вопрос, возможно ли обойтись без учета этих субъективных переживаний, или, как принято говорить, явлений „сознания“ при выполнении этих задач

(изучение реакций, установление закономерных связей между стимулом и реакцией и физиологических механизмов реакций).

Многие критики считают это невозможным. К сожалению, в этих возражениях очень много неясности и противоречий: у представителей одной и той же школы мы встречаем сплошь и рядом совершенно разнородные оценки одних и тех же фактов, что приводит к большому затруднению при попытке разобраться в создавшейся полемике.

Часто трудно выяснить, в какую сторону направлена критика, хочет ли она доказать, что объективное исследование, оставляя в стороне субъективную сторону личности, является только неполным, или возражение имеет целью доказать, что без учета субъективной стороны нельзя установить физиологического механизма исследуемой реакции, или же что без этого учета нельзя найти закономерности в отношениях организма с окружающей его средой. А ведь все это разные вопросы и смешивать их в один вопрос совершенно неправильно — подобное смешивание, а сверх того неясная и часто заведомо неправильная терминология еще более затрудняют разрешение дискуссионной проблемы.

Итак, возможно ли установить закономерность во взаимоотношениях организма со средой исключительно объективным методом, а также отыскать физиологические механизмы и *тех форм реакций*, которые сопровождаются субъективными (психическими) переживаниями без учета этих последних?

Каково происхождение этого вопроса? Несомненно, он возникает как реакция на попытки объективистов заменить антропоморфическую зоопсихологию объективным учением о поведении, а главное на перенос этого учения и на человека, начатые в Европе Бете, Иксюлем, Бером, в Америке — бихевиористами, а у нас — Сеченовым, Павловым и Бехтеревым. Эти попытки исходным началом имели цель подойти к организму „извне“, а не „изнутри“, так как, с одной стороны, точное установление внутренних субъективных переживаний у животных невозможно, а с другой — естествоиспытатели отказывались видеть в этих переживаниях самостоятельное действенное начало, руководясь в этом последнем случае материалистическими взглядами на природу, хотя и выраженными у разных авторов с различными оттенками.

Из всех этих работ наиболее ценными являются работы Павлова, особенно в методологическом отношении, поэтому на них мы, главным образом, и будем базироваться.

Как известно, работы Павлова направлены к установлению законов отношения организма животных со средой и определению физиологических механизмов этих отношений в случае той деятельности, которая обозначалась, как психическая деятельность и которую он назвал физиологическим термином „высшая нервная деятельность“. Он поставил целью эту задачу разрешить объективным методом, т. е. изучать организм лишь „извне“. Объектом его исследований послужило психическое слюноотделение — реакция, при которой никто не станет отрицать наличия субъективных состояний (выведение слюны при дразнении пищей, запахе ее, приближении банки с кислотой и т. д.). Все эти исследования поставлены были на собаках.

К чему же привели эти исследования? Как известно, цель, поставленная Павловым, была им достигнута с полным успехом — все, чего может желать исследователь в своей работе и все те высшие требования, которые ставит наука в исследовании явлений природы, были достигнуты. Если требуется изучить какое-либо явление, то можно считать задачу выполненной, когда это изучение доведено до степени овладения явлением, т. е. когда установлены законы этого явления, и оно может быть вызвано и предсказано его течение. Именно в такой степени и изучено Павловым „психическое слюноотделение“, установлены условия его происхождения, его всегда можно нарочито образовать и предсказать его течение; даны основания к пониманию всех колебаний в этом течении и установлены те физиологические механизмы, с помощью которых образуется и выявляется эта реакция. Все это достигнуто исключительно объективным методом и выражено в физиологических терминах и понятиях. Потребовалось ли когда-нибудь в процессе этого изучения и формулирования добытых данных учитывать субъективные переживания животных? Не только не потребовалось, но попытки предполагать влияние этих переживаний на судьбу изучаемых реакций оказывались излишними и даже вредными, как об этом уже указывалось выше.

Вот такое фактическое положение и является лучшим ответом, возможно ли в подобных исследованиях обходиться без учета субъективных переживаний.

Несомненно, что результат работ Павлова чрезвычайно укрепил позицию всех объективистов, так как было получено опытное неопровержимое доказательство возможности дальнейшего развития объективного направления, до тех пор базировавшегося, главным образом, на критике антропоморфизма и доказательствах затруднительности и даже

невозможности субъективного психологического подхода к изучению поведения, особенно животных, а после работ Павлова явилось конкретное основание у объективистов утверждать, что не только частный случай психического слюноотделения, изучаемый Павловым, но и все поведение во всех его формах должно изучаться по тому же принципу „извне“, а не „изнутри“.

Однако, с этими предположениями объективистов некоторые психологи не считают возможным согласиться. Кроме общего возражения, что при объективном методе исследуется не все, что характеризует личность, имеются еще и другие возражения. Указывается, что результаты, полученные Павловым на избранном им объекте исследования, именно, психическом слюноотделении, хотя и имеют большую ценность, однако, выводы из этого исследования нельзя расширять на любую деятельность, особенно человека. Психическое слюноотделение, по словам этих критиков, явление чрезвычайно элементарное, автоматическое, и законы, лежащие в основе этого рода простейших явлений, отнюдь не применимы при толковании законов „сознательного“ поведения человека.

Так, в одной из статей московского сборника „Психология и марксизм“ мы читаем: „Лишь в рефлекторных актах типа „а“ — простых рефлексах (выделение слюны, желудочного сока), которые не сопровождаются сознанием по Сеченову, возможно применение классической экспериментальной методики условных рефлексов Павлова, где поведение испытуемого целиком определяется внешним раздражением; эти акты, существенные для растительной жизни человека, не влияют непосредственно на общественное поведение человека, а оказывают на это поведение посредственное влияние, влияние через психические переживания, сопровождающие остальную массу актов схемы Сеченова: 1, 2б, 2е и 3. Для овладения этим большинством наиболее важных актов человеческого поведения необходимо учитывать психические переживания. Здесь рефлексология переходит в реактологию; классическая экспериментальная рефлексология Павлова лежит вне непосредственной области общественного поведения человека...“¹.

И раньше, в той же статье: „Чистота методики Павлова, независимой от психологии, покупается узостью типа изучаемых явлений; на другие типы проявлений живого существа методика Павлова не распространяется“.

¹ Чучмарев — статья в сборнике „Психология и марксизм“, стр. 207.

Чтобы показать, что подобные возражения не выдерживают критики, мы раньше всего приведем мнения других авторов по поводу значения исследований Павлова, при том не из лагеря рефлексологов. Так, материалист-психолог Корнилов¹, относя приобретенные в индивидуальной жизни привычки к отделу сознательных реакций, говорит: „Каков же, спрашивается, механизм выработки таких навыков.— Это прекрасно вскрыто в опытах Павлова по выработке условных рефлексов, которые и представляют собою ни что иное, как, именно, типичную схему образования этих навыков“.

Психолог-идеалист Челпанов² по этому поводу пишет: „Но если Павлов в своих исследованиях мозговой деятельности не считает нужным даже вводить какие-нибудь психологические понятия, то, спрашивается, имеют ли они какое-либо значение для психологии, и, если имеют, то какое. Исследования Павлова имеют очень важное значение для объяснения образования привычек во всех областях душевной жизни человека... В исследовании Павлова динамика образования физиологических ассоциаций улавливается непосредственно с очень большой тонкостью... В этом смысле ознакомления с теми материалами, которые имеются у Павлова, представляют для психолога громадный интерес. Все виды ассоциации, всякие образования привычек объясняются при помощи теории Павлова в высшей степени удовлетворительно“.

В марксистской психологии Л. Джемсона³, изданной английской лигой „Плебс“, читаем: „Образование привычек может быть изучено путем самонаблюдения, путем исследования или попыток к исследованию того, что происходит в нашем сознании, но оно также с успехом может изучаться без всякого принятия в расчет сознательного фактора (курсив наш, В.П.). Этот метод, которым мы обязаны, главным образом, русской школе, работающей под руководством проф. Павлова, создает для нас возможность представить более ясную и простую картину работы механизма ассоциативной памяти. Привычки, образованные в процессе этих опытов, называются „условными рефлексамии... Это есть то, что мы понимаем под воспитанием или обучением“.

Особенно интересно привести слова Выготского, резко критикующего рефлексологическую методику в ряде статей,

¹ Корнилов — „Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма“, 1926, стр. 143.

² Челпанов — „Очерки психологии“, 1926 г., стр. 48-49.

³ Л. Джемсон — „Очерки психологии“, стр. 57.

однако, в предисловии к своей „Педагогической Психологии“ говорящего следующее: „Учение об условных рефлексах представляет собой ту базу, на которой должна быть поставлена новая психология. Условный рефлекс есть имя того механизма, который от биологии переносит нас к социологии и“ позволяет выяснить самую сущность и природу воспитательного процесса. Надо сказать прямо, что педагогическая психология, как наука, сделалась возможна лишь с этим открытием. До сих пор она была лишена необходимого основного принципа, который объединял бы в одно целое те отрывочные фактические сведения, которыми она пользовалась... Чрезвычайно важно показать с исчерпывающей научной точностью, что воспитание, чего бы оно ни касалось и какие бы ни принимало формы, всегда имеет в конечном счете, в своей основе, механизм воспитания условного рефлекса“¹.

Приведенные отзывы с полной очевидностью опровергают вышеприведенное возражение против широкого значения исследований Павлова над психическим слюноотделением для изучения поведения вообще. Поэтому можно было бы этим исчерпать этот частный вопрос.

Однако, в виду того, что за этим частным возражением скрывается и общая тенденция отрицать возможность объективным методом устанавливать законы взаимоотношения организма со средой и устанавливать механизм этих отношений, необходимо на этом частном возражении остановиться подробнее.

Раньше всего критики указанного типа совершают грубейшую ошибку тем, что, рассматривая опыты Павлова, центр внимания обращают на то, что эти опыты поставлены на слюнной железе, да еще собаки, и оставляют в тени, что Павлов, пользуясь слюнной железой, изучал в форме психического слюноотделения одну из тех деятельности, которой присуще название психической деятельности именно из-за ее субъективного содержания, и показал, что эти тончайшие формы приспособления организма к среде, несмотря на то, что они сопровождаются психическими переживаниями, могут быть изучены, как обычные физиологические реакции объективным путем.

Слюнная железа в его опытах была лишь наружным объективным индикатором психической деятельности, и весь интерес исследования сводится не к слюноотделению, как таковому, не как процессу, касающемуся лишь пищеварения,

¹ Выготский — „Педагогическая психология“, 1926 г.

а, именно, как показателю отношения всего организма к среде. Это именно то, что Вагнер называет реакциями поведения, а не отправления; то, что раньше называлось психорефлексом и что Павлов назвал высшей нервной деятельностью. И слюнная железа здесь случайный лишь эффектор организма; на месте железы мог бы быть любой другой ответный аппарат, и от этого принципиальная сторона исследуемого явления несколько не изменилась бы.

И эти исследования касаются, именно, не рефлексов типа „а“, как думает автор возражения, а тех, которые отнесены Сеченовым к актам центрального происхождения, так как условные рефлексы для своего образования требуют индивидуального опыта, и при своем выявлении они оказываются функцией не только одного внешнего раздражения, а и тех внутрицеребральных следов, которые явились в результате бывшего опыта. Что это более простой случай психической деятельности, с этим никто не спорит, но и многие другие, более сложные деятельности в принципе построены так же, отличаясь лишь по сложности. Всякое исследование начинается от менее сложного и постепенно идет расширение и углубление задач исследования; но путь один, и на этом пути слюнная железа сыграла весьма заслуженную роль, так как, только благодаря ее скромной роли в организме, удалось изолировать величайшей важности явление — реакцию психического типа. Опыт показал, что в дальнейших исследованиях, когда слюнная железа была заменена эффекторами другого типа, чаще фигурирующими в выявлении поведения, то выводы, полученные на железе оказались вполне пригодными для объяснения и более сложной деятельности. Неправильное же толкование сущности опытов Павлова и приводит к недооценке их значения.

Далее, те, кто пытается подорвать выводы, вытекающие из опытов Павлова, базируются на том, что без учета сознания может исследоваться лишь автоматическая деятельность, а „сознательная“ остается за пределами объективного метода.

Из только-что изложенного ясно, что отнесение условных рефлексов к автоматическим неверно даже при рассмотрении их с психологической точки зрения. А сверх того по поводу этого утверждения необходимо заметить, что деление реакций на автоматические и сознательные основано на психологической их классификации, т. е. основано на данных субъективного опыта, объективный же метод эти же самые явления (реакции) классифицирует на основании иных их свойств, именно, объективных их признаков;

принцип объективной и субъективной классификации различный, и нельзя построить правильной классификации, если одновременно положить в основу ее разные принципы; и при критике объективного метода надо придерживаться той классификации явлений, которая построена на основе объективного принципа. И если психологическая классификация основывается на наличии, или отсутствии, или разных качествах субъективных переживаний, то объективная исходит из физиологического понятия рефлекса и делит все формы деятельности или по их способу происхождения на приобретенные и наследственные, или по принадлежности их к тому или иному отделу центральной нервной системы — на корковые, подкорковые, спинно-мозговые, или по характеру возбудителей — физико-химические и социальные. Наличие же или отсутствие субъективной стороны в той или иной реакции не принимается в расчет, и это обстоятельство нисколько не изменяет ее рефлекторного характера, а равно не изменяет и всей объективной классификации.

Какие же можно привести соображения в защиту высказанных положений? Прежде всего не лишне привести несколько мыслей Сеченова, на которого так любят ссылаться некоторые критики объективного метода Павлова и утверждающие, что Сеченов шире рассматривал высшую рефлекторную деятельность, что он учитывал в психо-рефлексах именно их психическую часть и т. д. (Франкфурт, Чучмарев).

Обсуждая механизмы высших форм деятельности, Сеченов¹ приходит к выводу: „Первая причина всякого человеческого действия лежит вне его“; далее он говорит: „Не зная, что делается в нервах, мышцах и мозговых центрах при их возбуждении, я, однако, не могу не видеть законов чистого рефлекса и не могу не считать их истинными. Раз же допустивши это, всякому, конечно, позволительно открывать между каким ни на есть явлением, например: *сознательным актом человека и рефлексом* (курсив наш, В. П.), сходство“. И опять: „Моя главная задача заключается в том, чтобы доказать, что все акты сознательной и бессознательной жизни, по способу происхождения, суть рефлексы“. И, наконец, в заключении знаменитого своего труда („Рефлексы головного мозга“) он говорит: „Прочитавши этот длинный перечень гипотез, введенных в основу воззрений о происхождении психических актов, читатель спросит себя, может быть, еще раз, да во имя чего же откажусь

¹ „Рефлексы головного мозга“, том II, стр. 110, 111, 113.

я от веры в голос самосознания, когда он говорит мне до нельзя ясно десятки раз в день, что импульсы к моим произвольным актам вытекают из меня самого и не нуждаются, следовательно, ни в каких внешних возбуждениях, исключая, разве, те из них, которые поддерживают жизнь тела. Если сказанного до сих пор было недостаточно, чтобы отстранить от головы моего читателя вопрос такого рода, то я попрошу его вдуматься в следующие общеизвестные явления. Когда человек, сильно утомившись физически, засыпает мертвым сном, то психическая деятельность такого человека падает, с одной стороны, до нуля — в таком состоянии человек не видит снов; с другой — он отличается резкой бесчувственностью к внешним раздражениям: его не будит ни свет, ни сильный звук, ни даже самая боль. Совпадение бесчувствия к внешним раздражениям с уничтожением психической деятельности встречается далее в опьянении вином, хлороформом и в обмороках. Люди знают это и никто не сомневается, что оба акта стоят в причинной связи. *Разница в воззрениях на предмет лишь та, что одни уничтожение сознания считают причиной бесчувственности, другие — наоборот. Колебание между этими воззрениями, однако, невозможно* (курсив наш, В. П.). Выстрелите над ухом мертво-спящего человека из одной, двух, трех, ста и т. д. пушек, он проснется, и психическая деятельность мгновенно появляется; а если бы слуха у него не было, то можно выстрелить теоретически из миллиона пушек — сознание не пришло бы... Одним словом, человек, мертво заснувший и лишившийся чувствующих нервов, продолжал бы спать мертвым сном до смерти. Пусть говорят теперь, что без внешнего чувственного раздражения возможна хоть на миг психическая деятельность и ее выражение — мышечное движение“.

Если непредубежденно постараться охватить общий характер концепции Сеченова, то она достаточно подчеркивается приведенными выдержками, и без больших погрешностей ее можно формулировать в следующих положениях: 1) всякая деятельность человека, в том числе „сознательная“, построена по типу рефлекса; 2) эти деятельности не являются производными некоего нематериального надопытного „сознания“, а само „сознание“ появляется лишь при наличии определенных физиологических условий; 3) изучение механизмов и сознательной деятельности при объективном ее рассмотрении должно быть направлено в сторону изучения тех физиологических условий, которые обуславливают самую возможность этой деятельности.

Таких же взглядов придерживается и Павлов. В первой части нашей работы мы приводили выдержки из его трудов; теперь напоминаем их вкратце. Он, как и Сеченов, считает, что любая форма деятельности построена по типу рефлекса — разница заключается лишь в сложности, способе происхождения (приобретено или наследственно) и в функциональной зависимости их от разных отделов мозга. То, что психологически относится к сознательной, психической деятельности, Павлов, рассматривая с объективной стороны, относит к деятельности, обусловленной работой больших полушарий головного мозга и исследование механизмов этой деятельности должно по идти тому же пути, как ведется исследование спинно-мозговых, подкорковых реакций, т. е. исключительно объективным путем т. е. от физиологии, а не от психологии. Следовательно, при классификации Павлова нет места делению реакций на автоматические, сознательные, произвольные и т. д., хотя бы при изучаемых реакциях и наблюдались те или иные субъективные переживания. Если же учет этих состояний не производится при объективном исследовании и не играет роли при объективной классификации, то это не значит, что классификация и метод не охватывают всех форм деятельности: классификация игнорирует этот субъективный признак, как принцип не отвечающий задачам, целям и принципам объективного исследования, и в то же время объективная классификация оказывается полной, вне ее не остается ничего, не включенного в ее рамки. Доказывать ее неполноту можно лишь тому, кто станет допускать такие деятельности такие процессы, которые не имеют физиологической основы; но вряд ли кто станет доказывать такое положение, особенно среди материалистов. Объективная классификация скорее может считаться более полной, чем психологическая, так как все субъективное всегда имеет и объективную сторону, в то время как не все объективные процессы сопровождаются субъективными переживаниями. Справедливо проф. Корнилов указывает, что отношение сознаваемых процессов к несознаваемым можно сравнить с плавающей ледяной горой, где на поверхности, т. е. в сознании, видна лишь одна десятая всей массы. Таким образом, подход к изучению всякой деятельности для объективиста базируется на изучении физиологических условий так же, как идет и ее организация в естественных условиях жизни, согласно марксистской формуле: „сначала материя, затем сознание“. Эти положения, выводимые нами из всего построения Сеченовского учения, вполне совпадают

с требованиями, которые должны быть предъявлены к исследованию реакций на основе материалистического монизма, а с другой стороны — обосновывают и те цели, которые ставят себе все объективисты, в том числе и Павлов. Противопоставление Павлову Сеченова, нахождение между ними принципиальных различий нам кажется совершенно необоснованным: Павлов является принципиальным последователем Сеченова, а разница между ними лишь та, что те мысли, которые Сеченов изложил в виде теоретической схемы, Павлов осуществил фактически. Совершенно естественно, что Сеченов так много уделяет места анализу всевозможных форм психической деятельности и ее эволюции, но ему это было необходимо как раз именно для того, чтобы доказать, хотя бы в виде теоретических схем, что всякая деятельность построена по типу рефлекса и имеет своим источником физиологические условия, экспериментальные же его наблюдения занимают весьма скромное место.

Павлов перешел к экспериментам в этой области и осуществил *desiderata* Сеченова; в его работах главное место принадлежит фактам, а не теоретическим схемам; но это не принципиальное отличие, а продолжение работы. В гносеологической части работы они также не могут быть противопоставлены друг другу: оба они исходили не из последовательного проведения какой-либо философской концепции, а из физиологических соображений. В этом опять их сходство; оба, признавая субъективные психические состояния, оснований к познанию механизмов всякой деятельности ищут, однако, в раскрытии физиологической объективной ее стороны.

Все, что сказано о Сеченове и Павлове, приложимо вообще для характеристики и обоснования тех целей, которые ставит себе объективный метод. А эти цели состоят в том, чтобы для каждой деятельности как животных, так и человека установить физиологические механизмы, найти объективные основы, будет ли то спинно-мозговой элементарный рефлекс или сложнее формы человеческой деятельности — во всех этих случаях объективный метод пытается установить те механизмы, благодаря которым образуется и выявляется эта деятельность. Но может быть без учета субъективных переживаний никогда не удастся установить ни механизмов высших реакций, ни закономерности в их течении, так как неучитываемые экспериментатором субъективные состояния будут видоизменять течение изучаемых им реакций? — Мы думаем, однако, что эта неполнота, или, вернее, односторонность, несколько не подрывает

достоверности установленных объективным изучением законов образования, протекания и механизмов этих реакций; словом, всего того, что обеспечивает владение этой реакцией.

Это утверждение доказано экспериментально, что является самым веским аргументом его достоверности; но можно привести несколько и общих соображений, которые могут послужить к его теоретическому обоснованию. Для этого еще раз надо остановиться над выяснением, что же представляют собой эти оставляемые без учета субъективные состояния и какое место они занимают в течении реакций. Никто не станет отрицать, что нет такой реакции, которая в своем основании не имела бы мозгового процесса, и нет такого мозгового процесса, который не был бы результатом подействовавшего на организм раздражения. Что же мы можем считать раздражителем? Таковыми являются все физико-химические экзогенные воздействия окружающей нас неорганической, органической и социальной среды (свет, тепло, звуки, мимика, речь и т. под.), а также возникающие в самом организме импульсы (суставно-мышечные, сердечно-сосудистые, изменения состава крови и т. д.), и только такого типа экзо- и эндогенные моменты и могут считаться возбудителями мозговых процессов и тем самым быть истинными детерминантами реакций. Возбужденные этими раздражителями мозговые процессы в некоторых случаях, при особых условиях, помимо того, что они выражаются в деятельности каких-либо эффекторных аппаратов организма, сверх того сопровождаются также и особыми субъективными состояниями, называемыми психическими.

Относительно этих последних мы неоднократно указывали уже, что с точки зрения материалистического монизма, они никак иначе не могут рассматриваться, как только своеобразные качества тех же мозговых процессов (высокоорганизованной материи), и вне мозговых процессов не существуют. Следовательно, не существуя в отдельности вне мозговых процессов, они сами по себе не могут обусловить деятельности какого-либо эффекторного прибора. Поэтому никак нельзя себе представить их в качестве самостоятельных раздражителей, а осуществление реакции обуславливается лишь тем мозговым процессом, качеством которых являются эти субъективные состояния.

Утверждать противное — значит противоречить следствиям, вытекающим из материалистического воззрения на природу психических явлений и рассматривать их с идеалистической точки зрения. Не лишнее будет привести здесь

следующие слова Плеханова¹: „Часто говорят о влиянии психических состояний на физиологические процессы. Об этом влиянии очень много и охотно распространяются теперь врачи. Я думаю, что факты, наводящие на мысль об этом влиянии, часто *указываются* совершенно верно. Однако, *объясняются* они совершенно неправильно. Люди, распространяющиеся о влиянии „психики“ на „физику“, забывают, что всякое данное психическое состояние есть лишь одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление, или, вернее, целая совокупность явлений физиологических в собственном смысле этого слова. И когда мы говорим, что данное психическое состояние известным образом повлияло на физиологические отправления данного организма, то надо понимать, что указываемое нами влияние причинено было, собственно, теми, тоже чисто физиологическими, явлениями, *субъективную сторону* которых составляет это психическое состояние. Если бы это было иначе, если бы то или иное психическое состояние *могло послужить действительной причиной* (курсив наш, В. П.) физиологических явлений, то нам пришлось бы отказаться от закона сохранения энергии. Это уже хорошо выяснено Ф. А. Ланге“.

Иногда раздаются голоса, что это мнение Плеханова как раз принадлежит к его ошибкам, но нам кажется, что оно вполне согласно со всей его концепцией, и потому, кто не согласен с данными его толкованиями, должен опровергнуть все философское мировоззрение Плеханова; но подобных попыток мы пока в литературе не встречаем, а потому и полагаемся пока больше на Плеханова, чем на воззрения тех, кто оспаривает только это, чрезвычайно для нас важное, положение. Надо думать, что попытка толковать приводимое разъяснение Плеханова как ошибку может прельщать лишь идеалистически настроенного критика.

Таким образом, упрек объективному методу, что при исследовании взаимоотношения организма со средой (реакций) изучается не все, что характеризует деятельность — справедлив, но ни в коем случае не должен приводить к выводу, что устанавливаемые объективным методом физиологические механизмы, с помощью которых эти отношения устанавливаются, — недостоверны. Этот последний вывод не должен иметь места, в виду того, что не субъективные переживания определяют и детерминируют рецепторную и эффекторную деятельность организма, а условия среды

¹ Плеханов — т. XVII, стр. 124.

и структура самого организма создают бытие, а вместе с тем и субъективные переживания согласно формуле: „бытие определяет сознание“, а не наоборот.

Всякое психическое состояние имеет свою физиологическую сторону и установление законов функционирования этой физиологической стороны и составляет задачу объективистов, а метод этого последнего построен на принципе „извне“, а не „изнутри“.

Простой рефлекс, инстинкт, разнообразные формы приобретенной в онтогенезе деятельности, включая так называемую „сознательную“, „психическую“ — речь, письмо, мышление — все это имеет всегда свой физиологический механизм, свою объективную основу, к установлению которых и стремится то направление, которое мы называем вообще „объективным“. В этом и заключаются его задачи, к этому и направлены все его методы. По крайней мере, мы так его понимаем. Для таких объективистов, как крайние бихевиористы, на этом исчерпывается весь круг исследований о человеке, так как они не признают ничего субъективного; но для других, — это только часть задачи. Исследование самих субъективных переживаний, отражающих ту или иную деятельность в психических состояниях, является иной задачей. И нет оснований трактовать это, как дуалистическое воззрение на природу человека, — это вызывается лишь принципом ограничения задачи в исследовании столь сложного явления, каким представляется деятельность животного организма в окружающей его среде, особенно человека. Установить только те физиологические механизмы, с помощью которых во всех случаях организм устанавливает свое взаимоотношение со средой, в том числе и социальной, составляет задачу объективного метода.

Признавая, что наряду с физиологическим процессом многие формы деятельности сопровождаются субъективными переживаниями, тем не менее экспериментатор, применяющий объективный метод, оставляет их без учета, так как его пока интересует не то, как и где возникает и протекает эта субъективная качественность изучаемого им явления, а какие физиологические процессы и какие зависимости обуславливают данную деятельность. В этом отказе от учета субъективной стороны изучаемой реакции объективист не усматривает источника для ошибок в своих заключениях в области физиологических изысканий, так как при анализе своих экспериментов ничто из детерминирующих моментов не игнорируется. В самом деле, как бы ни было разнообразно и отлично психическое содержимое, сопутствующее

той или иной деятельности, объективист не может оторвать их от обуславливающих их физиологических процессов; не может их представить действующими изолированно на дальнейший ход реакции, в виде самостоятельного детерминирующего фактора. Они — эти субъективные переживания — участвуют в реакции не как отдельное какое-то психическое, нематериальное звено, а в составе того же физико-химического или физиологического процесса, за движением которого следит объективный наблюдатель. Проще говоря, для того, чтобы не нарушить принципы материалистического монизма, нельзя этому субъективному качеству, осложняющему течение физиологических процессов, придать самостоятельного, вне самого процесса, причинного значения. И все разнообразие психической стороны той или иной деятельности, не направляет эту деятельность в ту или иную сторону, а само является следствием разнообразных физиологических условий, которые обеспечивают эту деятельность. Не разнообразные субъективные психические состояния обуславливают многообразие форм поведения, а обратно — разнообразие форм взаимоотношений организма со средой обуславливает многообразие и психических переживаний. И какие бы ни были эти формы деятельности, какие бы им не сопутствовали субъективные переживания, отношение между этими двумя сторонами субъективной и объективной формы расцениваются под одним и тем же углом зрения — первое есть лишь качество второго и самостоятельно не существует и изолированно не воздействует.

Вот те общие соображения, которые мы считаем возможным высказать в защиту объективного метода в противовес тем возражениям, которые пытаются доказать ограниченность поля исследования объективным путем. В дальнейшем мы приведем еще несколько дополнительных замечаний, но и на основе приведенных соображений, основанных на воззрениях Плеханова, Сеченова, Павлова и на экспериментальных исследованиях последнего, нам кажется вполне возможным признать и полностью объективной классификации и достоверность выводов, полученных объективным методом.

Но разберем еще несколько возражений, стремящихся доказать, что при подходе к высшим формам человеческой деятельности объективный метод неприменим и должен уступить место психологии. Критики, говорящие об ограниченности применения объективного метода при изучении вопросов поведения, как на образец такой деятельности, выходящей за пределы объективного исследования, как мы уже говорили

неоднократно, всегда указывают на так называемую сознательную, разумную деятельность человека. К сожалению, трактуя об этих особых высших формах поведения, авторы употребляют термин „сознание“, „сознательность“; благодаря его многозначности и такому разнообразию оттенков чрезвычайно трудно уловить к чему, собственно, сводятся их положения и возражения.

Для образца приведу несколько примеров. Один автор пишет: „Без учета этих психических переживаний невозможно предсказание поведения человека; работа агитатора, пропагандиста, воспитателя всегда была и будет связана с понятием „сознательность“ (сознательный рабочий, крестьянин, гражданин и т. д.); далее, у того же автора: „Работа же всех учителей - пропагандистов, агитаторов каждый день сводится к определенному и точному получению сознательных эффектов, а затем лишь к автоматизации понятого; и то в некоторых случаях, например, советская власть могла бы прямо запретить крестьянам ходить в церковь, но наиболее рациональный (тоже научный) способ, как известно, заключается не столько в прямом запрещении, сколько в антирелигиозной пропаганде — воздействии на сознание, что уже проделано над рабочими и в результате чего получено почти автоматический акт нехождения в церковь“¹.

Прежде всего заметим, что если автор приведенной цитаты допускает, что антирелигиозная пропаганда (раздражители) непосредственно воздействует на сознание, то почему запрещение ходить в церковь (также раздражители) этим свойством не обладает? А как же оно воспринимается? Вероятно, автор полагает, что пропаганда воспринимается головным мозгом через соответствующие рецепторы, а запрещение — непосредственно ногами, без участия головного мозга, и, следовательно, сознания.

Далее, в приведенной цитате автор, говоря о том, что работа агитатора всегда была и будет связана с понятием „сознательность“, повидимому, считает, что, применив эту тираду, как аргумент, он тем самым разрешил проблему о роли и значимости „сознания“. Нам же все эти утверждения критика представляются пустыми лишь фразами, лишенными содержания. В самом деле, если работа пропагандиста, учителя всегда связана с понятием „сознательность“, то какое иное содержание может быть вложено в это понятие, кроме того, что мозговые процессы, обуславливающие работу учителя, пропагандиста

¹ Чучмарев—Сборник „Психология и марксизм“, стр. 211.

сопровождаются субъективными переживаниями. И почему же в таком случае эта работа при исследовании ее с объективной стороны не может быть включена в объективную классификацию и ее физиологические основы не могут быть исследованы объективным методом? Какова специфическая особенность этих переживаний, из-за которых эта деятельность не поддается объективному учету. И при игре в мяч и при маршировании и даже отдергивании руки при ожоге также будут субъективные переживания — не значит ли, по мнению критика, что и все эти деятельности также стоят вне объективного исследования, т. е. их физиологические механизмы не могут быть установлены?

Но, если последнего рода деятельности могут исследоваться объективно, то в чем тогда кроется специфическое отличие психических переживаний пропагандиста? Что субъективные переживания при всех этих деятельности отличны при рассмотрении их с субъективно психологической точки зрения, об этом не спорит и объективист, но в то же время он полагает, что при всех этих деятельности, в том числе и деятельности пропагандиста, психические переживания лишь отображают субъективно самую деятельность, но никак не детерминируют ее, а детерминируют ее социальные условия, классовая принадлежность, прошлый опыт воспитания и, наконец, биологическая структура и физиологические механизмы, а все эти детерминирующие условия вполне поддаются объективному исследованию.

Если же критик думает иначе и полагает, что „сознательность“ пропагандиста специфически отличается от субъективных переживаний при „автоматических“ деятельности тем, что является самодовлеющей первичной, детерминирующей силой, регулирующей и организующей деятельность, то при таком понимании напрасно критик причисляет себя к материалистам; корни такого толкования „сознания“ целиком исходят из идеализма.

Другой автор¹, разрешая проблему сознания, пишет: „Да и самую сознательность или сознаваемость нами наших поступков и состояний следует, видимо, понимать прежде всего, как правильно функционирующую в каждый сознательный момент систему передаточных механизмов одних рефлексов на другие“. Далее, у него же: „И по

¹ Выготский — „Методика рефлексологического и психологического исследования в сборнике „Проблемы современной психологии“. Его же „Сознание, как проблема психологии поведения“ в сборнике „Психология и марксизм“.

нашему мнению, акт мысли, акт сознания — не есть рефлекс, т. е. он не может быть и раздражителем, а есть *передаточный механизм между системами рефлексов* (курсив автора). Еще далее: „Сознание — только рефлекс рефлексов. Утверждая, что и сознание должно быть понято, как реакция организма на свои же собственные реакции, приходится быть большим рефлексологом, чем сам Павлов“, и в конце статьи: „Таким образом, сознания, как определенной категории, как особого способа бытия — не оказывается“.

Из приведенных цитат видно, как далеко отошли авторы в своих вербальных упражнениях от основного материалистического понимания сознания и психики, как только о субъективной стороне мозговых процессов. Попробуйте в приведенных выдержках заменить столь опасные термины на просто „субъективные переживания“, и довольно ясно выступит, что все эти рассуждения носят лишь вербальный характер и противоречат основным положениям материализма. Как это расценить, что „работа пропагандиста направлена сначала на сознание“, когда мы знаем, что сознание (субъективные переживания) есть лишь качество мозговых процессов; надо, значит, возбудить мозговые процессы, а не непосредственно сознание, а при автоматическом нехождении в церковь разве нет субъективных переживаний, т. е. сознания?

И если опять-таки мы твердо будем держаться определения, что сознание есть субъективная сторона мозговых процессов, их качество, то как можно говорить „акт сознания“, „сознание — рефлекс рефлексов“. Если это есть лишь образные выражения, то какая в этом надобность? Ничего, кроме лишней путаницы в понятиях от этого не получится. Но эти вербальные упражнения имеют и другую более существенную опасность. Приглядываясь к общей концепции разбираемых авторов, невольно закрадывается сомнение, только ли здесь неопределенная терминология? Не имеется ли здесь попытки утверждать, что в сознании человека, в его субъективных переживаниях, таится какая-то особая реальность, независимая от мозговых процессов, при том действенного типа, что его „сознание“ направляет его деятельность как-то непосредственно. Сознание отрывается от переживаний и стоит над ними, определяет их.

Тот же Выготский пишет: „Сознание есть переживание переживаний, точно таким же образом, как переживания просто суть переживания предметов“. Далее, у него же сказано, что „представление о двойнике — самое близкое

к действительности представление о „сознании“, а далее приводит цитату Фрейда об „Я“ и „Оно“, где „Я“ — как бы всадник, а „Оно“ — лошадь.

Но эти сравнения напоминают уже те теории о сознании, которые Инженьерос относит к функциональным, или динамогенным, где сознание представляется чем-то потусторонним, господствующим и руководящим психическими функциями. Подобные теории слишком уже далеко отстоят от материалистического воззрения на психику и сознание и приближаются к воззрениям Бергсона. Если же придерживаться их, то понятно, что объективный метод вообще и исследования Павлова в частности, конечно, не могут удовлетворить поклонников этой теории. Последовательный же материалист, строго придерживающийся неоднократно уже приводимого нами определения „психического“, „сознания“ в объективном методе найдет неопределимое орудие в познании взаимоотношения организма со средой и установления физиологических механизмов любой деятельности.

Опять тот же критик объективного метода, перечисляя „пороки“ рефлексологии, пишет: „Стирается всякая принципиальная грань между поведением животного и поведением человека. Биология пожирает социологию, физиология — психологию. Поведение человека изучается в той мере, в какой оно есть поведение млекопитающего животного. То принципиально новое, что внесло в человеческое поведение сознание и психика, при этом игнорируется“¹.

Если считать, что термины „психика“, „сознание“ обозначают субъективные переживания, как качество мозговых процессов, то с приведенной цитатой мы никак не можем согласиться. Мы считаем, что новое в поведении человека вносят не субъективные его переживания, а социальные условия, с одной стороны, и особая биологическая структура человека — с другой. И только поэтому его поведение иное и поэтому также и его субъективные переживания богаче и разнообразнее, чем у животного; но как у животного, так и у человека они в своем происхождении не отличаются друг от друга, являясь лишь субъективной стороной их нервномозговых процессов. И у животного мозговые процессы должны сопровождаться субъективными переживаниями, как и у человека, а что они различны, то это происходит вследствие разных био-социальных условий того и другого.

¹ Выготский — Сборник „Психология и марксизм“, стр. 177.

Не согласиться с этим может тот, кто станет отрицать наличие субъективных переживаний у животных, а это уже граничит с картезианством, или тот, кто станет утверждать, что у животных субъективные переживания — лишь качества мозговых процессов, а у человека — это изолированно действующие реальности, но для этого утверждения надо стать уже на идеалистическую точку зрения о природе человеческого сознания, или, как говорят в простонародье: у животных „пар“, а у человека „душа“.

Если же в приведенной выдержке „сознание“, „психика“ отождествлены с речью и мыслью, как с внутренними скрытыми движениями, то такое отождествление субъективных переживаний с самыми рефлекторными (физиологическими) движениями также недопустимо; и в речи и в мысли есть объективная сторона (движение, мозговые процессы) и сопутствующие им субъективные состояния, которые только и могут быть отнесены к психическим явлениям (качество мозговых процессов).

Субъективные переживания, как интроспективная сторона физиологических процессов, есть то особое, биологическое новое свойство, которое материя в своей эволюции приобретает в структуре животных организаций; надо думать, что это свойство обнаруживается в виде скачка там, где появляется нервная система. И появившись, это свойство остается уже в неизменных отношениях к мозговым процессам, всегда их отображая субъективно для самого организма, и нет никаких оснований предполагать, что у человека появляется новый „скачек“ и отношения меняются — уже не „материя“ сначала, а потом „сознание“, а наоборот¹. Путем же вербальных упражнений и неизжитого идеализма вполне легко притти к таким выводам.

Поведение человека так резко отличается от поведения животных только лишь в силу иной структуры и социальной среды, но никак не в силу иных взаимоотношений объективной и субъективной стороны их мозговой деятельности. Поэтому изучение поведения раньше всего должно быть направлено в сторону изучения влияния социальных условий на организацию поведения, а затем на те физиологические механизмы, которыми осуществляется это поведение, и затем уже к установлению того, как создавшееся

¹ Не лишне здесь привести небольшую выдержку из Плеханова: „Тренделенбург был совершенно прав, когда обвинял диалектику Гегеля в том, что она утверждает самопроизвольное движение чистой мысли, являющейся в то же время самозарождением бытия“. Т. XVIII, стр. 136. Сравни у Сеченова, стр. 171.

под влиянием био-социальных условий поведение отображается субъективно в тех или иных переживаниях, в „сознании“ действующего лица. Повидимому, эти соображения чужды нашим критикам; для примера приведем еще одно возражение, аналогичное предыдущему.

Приведем выдержку: „Рефлексология Бехтерева возможна благодаря наличию психологии... Протопопов полагает, что единственно рефлексология окажет услугу делу образования и воспитания (см. его брошюру „Введение в рефлексологию“). Совершенно правильно, но в узкой области автоматических двигательных актов, это — педагогика¹ унтеров Пришибеевых или воспитательниц внешних манер, где цель педагогического внешнего воздействия сводится к получению внешнего же поведения; работа же всех учителей, агитаторов, пропагандистов — каждый день сводится к воздействию сначала на сознание, к определенному, точному получению сознательных эффектов, а затем лишь к автоматизации понятого“ и т. д.¹.

После всего уже сказанного, на это мы можем ответить весьма кратко. — Как автоматическая, так и сознательная деятельность имеют как свою субъективную сторону, так и объективную. И у унтера Пришибеева есть сознание своих переживаний и у пропагандиста; но при изучении механизмов мы учитываем только объективную сторону и полагаем, что отношение сознания, как качества мозговых процессов, к физиологической объективной стороне — то же, что и у пропагандиста, что у девицы с благородными манерами. Может быть, критик полагает, что в механизмах поведения девицы — субъективные переживания только качества мозговых процессов, а у пропагандиста — они уже вне мозговых процессов, как надъопытное сознание и сами по себе определяют поведение. Любопытно было бы получить разъяснение. Мы же полагаем, что у любого человека и при любой форме поведения взаимоотношение „сознания“, т. е. субъективной стороны бытия к ее объективной, т. е. физиологической, в частности — к нервно-мозговым процессам, одно и то же, а разные люди и разные формы их поведения зависят от их установки и навыков, что исключительно детерминировано социальными условиями среды и биологическими организма. И установление нервно-физиологических механизмов поведения, если оно допустимо объективным методом при „автоматической“ деятельности (где также часто имеется субъективная сторона), то возможно

¹ Чучмарев — Сборник „Психология и марксизм“.

и при всякой другой. Ни речь, ни мысль (скрытая речь) не есть что-нибудь принципиально иное в своей объективной стороне, чем обычный рефлекс. К доказательству этого и было направлено все теоретическое учение Сеченова, а Павловым было заложено первое экспериментальное доказательство этого и доказаны возможности объективным путем подойти к установлению механизмов любой формы поведения. Ведь, когда я исследую механизм оборонительного рефлекса на что-либо раздражающее (укол, ожог и т. д.), то я этого вполне достигаю, когда учитываю (т. е. включаю в причинную зависимость) стимул, рецептор и эффектор, центростремительные и центробежные нервные пути и центральные их связи, хотя я в то же время знаю, что в этом явлении были и субъективные переживания, но тем не менее я их не учитываю; но это не значит, что и их отрицаю: я их признаю, но оставляю за пределами своего данного опыта и искомой цели опыта.

И никто не оспаривает правильности моих выводов о механизме этого рефлекса, хотя в обыденной речи мы говорим: „отдернул руку от боли“, т. е. как бы вследствие боли. Но если, хоть в одном случае, где *заведомо имеются субъективные переживания*, я при установлении механизма явления мог обойтись без учета этих субъективных состояний, то, следовательно, и во всяком другом случае я могу сделать то же. Отказаться от этого намерения я должен только в том случае, когда буду считать, что при других формах деятельности субъективные переживания обладают иными свойствами, иной природы, а для допущения этого надо из материалиста превратиться в идеалиста. Это следует помнить тем, кто так охотно противопоставляет „автоматическую“ деятельность „сознательной“.

И при автоматической (к которой относят критики первичные условные рефлексы) деятельности, и при „сознательной“ существуют субъективные переживания, хотя и иные по содержанию и оттенкам, но при обоих в одинаковой мере отсутствует какое-то надъопытное изолированное активное „сознание“. Отличие той или другой деятельности как в объективной, так и в субъективной стороне зависит лишь от разных механизмов, от разницы в физиологических условиях, и, конечно, от стимулов, и все эти различия, как и самые механизмы могут быть изучены поэтому объективным методом.

Само собой разумеется, что технические приемы, соответственно исследуемому явлению, должны быть разные, изменяясь в тонкости и сложности приемов, но не в принципе

метода. Во всех случаях остается подход извне от мозгового процесса, а не „изнутри“, не от „сознания“. А те критики, которые не хотят согласиться, что ко всякой деятельности можно подойти объективным путем, в том обстоятельстве, что рефлексология расширяет свои приемы, видят кризис объективного направления и отказ от его основных принципов исследования. Доказательство этого кризиса видят в том, что рефлексология в круг объектов своего исследования вводит речь, а также пользуется речью в качестве раздражителя. И это расширение *методики* и объекта исследования объясняют тем, будто рефлексологи признали для себя невозможным обходиться объективным методом и ищут помощи в явлениях сознания. Эти уверения в кризисе были вызваны моей статьей: „Методы рефлексологического исследования человека“, где я развиваю положения, что для исследования поведения человека необходимо применять более тонкую методику исследования, в частности—в круг исследования необходимо ввести исследование речи, как важнейшего фактора социальной деятельности человека, и, относя речь к так называемым вторичным условным рефлексам, пишу: „Несомненно, рефлексологические исследования на человеке в будущем должны вестись, главным образом, с помощью вторичных условных рефлексов“¹. Критик же, приведя это положение, выводит из него следующее заключение: „Это означает не что иное, как тот факт, что сознательность врывается даже в опыты рефлексологов и существенно *меняет* (курсив наш, В. П.) картину поведения“. „Гони сознание в дверь, оно войдет в окно“. И далее он пишет: „Для нас же ясно, что здесь речь идет о полнейшей капитуляции чисто рефлексологической методики, с успехом применяющейся на собаках, перед проблемами человеческого поведения“².

Что здесь нет ни кризиса, ни капитуляции, а лишь естественное развитие задач и методики рефлексологии, на основе принципов объективного метода, достаточно подробно изложено мною, как в цитируемой критиком статье, так и в других моих работах, например, в статье „Рефлексология и педагогика“³. Здесь лишь вкратце повторяю, что если рефлексология поставила своей задачей изучить

¹ Если критик полагает, что сознание *меняет* картину поведения, то ясно, что он придерживается динамогенной теории о сознании, т. е. исходит из принципов идеалистической философии.

² Выготский—Сборник „Психология и марксизм“.

³ Протопопов, „Укр. Вісник рефлексології та експериментальної педагогіки“ № 2, 1926.

физиологические основы поведения, то ясно, что она не могла остановиться на изучении лишь секреторных условных рефлексов, так как поведение, хотя и осуществляется всеми эффекторными аппаратами, но наибольшего развития и значения достигает в движении; поэтому изучение механизмов всевозможных форм двигательных актов должно занять важнейшее место в рефлексологии, если она хочет оказать действительную услугу в познании человеческого поведения. А так как в последнем существеннейшую роль играет речь, как специальная форма движения и как специальный, социального происхождения, раздражитель, то и речь, естественно, включается в круг рефлексологического исследования. И не только в форме так называемой наружной, открытой словесной или письменной речи, а и в форме так называемой субвокальной речи, которая составляет объективную сторону мышления.

Что и эти обе формы речевых движений, как и все остальные двигательные акты, имеют свои объективные механизмы, обусловленные специальными нервно-мозговыми процессами, в этом не сомневается и наш критик; следовательно, почему же необходимо видеть крах рефлексологического метода в том, что он отыскивает физиологические механизмы этой формы поведения. И поэтому я повторяю, что это не кризис, а естественная эволюция задач исследования и технических приемов. Заключение же, к которому приходит наш критик, по нашему мнению, вызвано тем обстоятельством, что он отождествляет психику с речью, т. е. с движением. Достаточно привести выдержки из статьи критика, чтобы доказать наше предположение. Он пишет: „Может ли рефлексология скинуть со счетов и не учитывать вовсе психику, как *систему задержанных рефлексов* (курсив наш, В. П.) и переплетений разных систем“. В другом месте той же статьи он говорит: „Психика только заторможенное движение“, а также „сознание — это ответный аппарат“.

Между тем, марксистская литература категорически настаивает на разделении понятий „тождество“ и „единство“. Утверждая „единство“ объективного и субъективного, в то же время подчеркивает их качественную разницу, а не тождество. Плеханов говорит: „Единство, но отнюдь не тождество. Тождество провозглашено было идеалистической философией, которая все сводила к духу“ (т. XVIII, стр. 166). Далее, у него же: „Единство между мышлением и бытием вовсе не означает и не может означать тождества между ними“ (т. XVIII стр. 196, см. также у него же, т. V,

стр. 208 - 209). Проф. Корнилов в своей психологии ясно указывает на недопустимость смешения субъективной (психики) и объективной стороны в мышлении". „Мышление, говорят, это ослабленная, неслышная, заторможенная, внутренняя речь, коротко говоря, — речь без звука. Такая точка зрения является неправильной. Утверждать это — значит сводить мышление к движению, что с точки зрения диалектического материализма так же недопустимо, как и вообще сведение сознания, психики к движению материи. Сознание — есть свойство материи, субъективное выражение физических и физиологических процессов, но не движение материи. Точно так же и мышление, как качественная форма сознания, не есть речь без звука, а есть субъективная сторона речевых реакций“ (стр. 153).

Отступление от указанных основных гносеологических положений и приводит к утверждению, что „психика — есть только заторможенное движение“, а вместе с этим и к тому, чтобы увидеть в стремлении рефлексологии изучить механизм речевых и субвокальных движений капитуляцию объективного метода, на принципах которого стоит рефлексология. Кризис объективного метода можно было бы усмотреть в том случае, когда рефлексолог стал бы выводить свои заключения о механизмах той или иной деятельности из субъективных переживаний, как бы действующих вне физиологических процессов, когда он стал бы утверждать, что данный механизм не укладывается в физиологические ряды, а имеет происхождение „из сознания“ или регулируется им. Но в этом скорее можно упрекнуть нашего критика, когда он пишет о сознании, как „механизме поведения“ и „его регуляторной роли в отношении поведения“ („Сознание, как проблема поведения“, стр. 184, 188).

Повидимому, эти скрытые идеалистические тенденции весьма мешают критику рефлексологии правильно учесть те задачи, которые себе ставит рефлексология. Цитируя ту же мою статью, он весьма язвительно замечает, что рефлексология „открыла“ давно всем известный факт, что если условиться на словах с объектом, то течение реакции будет во многом зависеть от инструкции. Но эта язвительность обращается в сторону же критика, так как он видит в результате инструкции возбуждение или проявление, очевидно, какой-то психической активной силы, организующей таинственно реакцию; мы же, указывая на это „открытие“, подчеркиваем, что, избирая эту методику, мы нисколько не изменяем принципам объективного метода и не выходим из круга физиологического исследования, так как и сама

инструкция есть также с объективной ее стороны лишь особый вид раздражителя, по своей рефлексогенной природе не отличающегося принципиально от всякого иного раздражителя.

Приведенные до сих пор возражения против объективного исследования принадлежат сотрудникам школы Корнилова, как это ни странно, так как они больше соответствуют взглядам Челпанова, чем Корнилова. Может быть, в своих построениях ученики ушли дальше того, чем хотел сам учитель — мы этого не знаем, но напечатаны они в общем сборнике под его редакцией.

Каковы же воззрения самого Корнилова, лично им высказанные? В общем виде его концепцию мы изложили выше, в первой главе. Теперь мы остановимся лишь на рассмотрении тех возражений, которые он направляет против объективистов, которых он, по примеру Челпанова, называет рефлексологами. Признавая заслуги объективистов гораздо более, чем его ученики, он в то же время считает необходимым отгородиться от них, как от противников „слева“ и „черезчур материалистов“ или „наивных материалистов“ — по его выражению.

В отношении значения самого метода, применяемого объективистами в целях изучения биологической стороны личности (исследование нервно-физиологических механизмов реакции), Корнилов не только не делает возражений, а горячо его поддерживает, его критика больше направлена в сторону всей концепции объективистов, поскольку некоторые из них склонны трактовать свое учение, как науку о поведении. Но так как он не во всех случаях выделяет с достаточной четкостью особенности воззрений разных авторов (Бехтерев, Watson, Павлов) и концепцию от метода, то необходимо здесь же привести некоторые его возражения, чтобы показать, что они несколько не подрывают значения самого метода.

Какое значение он придает объективному направлению видно из того, что, проектируя будущее слияние психологии с рефлексологией, он фундаментом этой будущей науки считает рефлексологию, а психологию соглашается рассматривать, как надстройку¹, и при этом замечает: „Другой вопрос, что останется от психологии при таком слиянии“.

В другом месте он говорит: „В этой непреклонной борьбе с умозрением в психологии заключается колоссальное историческое значение рефлексологии, и в этом

¹ Корнилов — „Современная психология и марксизм“, стр. 27, 1924.

бессмертная заслуга наших рефлексологов — Павлова и Бехтерева". При такой оценке главы школы несколько странно звучат заявления учеников об узости и ограниченности значения работ Павлова о том, что рефлексология Бехтерева возможна лишь благодаря психологии; подобные утверждения скорее могут вытекать из позиции Челпанова, но не Корнилова. Но почему все-таки и сам Корнилов отгораживается от объективистов? Его упреки объективистам сводятся к обвинению их в агностицизме, недооценке всего „своеобразия психики“, игнорировании социологии и чрезмерном биологизме. Разберемся теперь, насколько основательны эти упреки и задевают ли они самый метод? Упрек в агностицизме Корнилов основывает на том, что Павлов и Бехтерев исключают из сферы своего изучения субъективные переживания. Но, ведь, они только их исключают, но никак не отрицают, и отождествление воззрений на психику Енчмена с воззрениями Павлова и Бехтерева совершенно фактически не обосновано; скорее уже можно в этом отношении сблизить с Енчменом Watson'a, но о нем Корнилов как раз утверждает, будто последний придерживается психологических понятий и классификации; но в первой главе мы достаточно ясно показали как раз обратное отношение Watson'a ко всему психологическому — он, ведь, гордится тем, что свой учебник он изложил, совершенно не прибегая к психологическим понятиям. Как на пример того, что Павлов отказывается от познания психики, Корнилов указывает на то, что Павлов штрафовал своих сотрудников за употребление психологических терминов; но опять, ведь Павлов это делает не потому, что отрицает психику, а для того, чтобы устранить вековую привычку объяснять ту или иную деятельность экспериментального животного, *исходя* из предполагаемых субъективных переживаний у последних. *В этом случае* Павлов боролся с антропоморфизмом и идеалистическим психологизмом, если можно так выразиться. Отказ же от учета субъективных переживаний у Павлова диктуется тем, что познать эти субъективные переживания у животного крайне затруднительно, а сверх того они и не могут войти в ту объективную классификацию, которую создал Павлов на иных принципах, тем более они не могут играть никакой роли в его основной задаче — создании „настоящей“ физиологии больших полушарий. Метод исследования Павлова может быть только объективный, и то, что он его строго придерживается, несколько не говорит об его агностицизме. Тем менее основателен этот упрек в отношении Бехтерева, что ясно из того

описания концепции Бехтерева, которое подробно сделано выше, и где указано, что Бехтерев отводит специальное, правда, как бы добавочное место исследованию и субъективных явлений.

Второй упрек в недооценке психики со всем ее „своеобразием“ так же неоснователен, если вспомнить, что цель объективного исследования—установить лишь объективную сторону в различных формах деятельности, что сводится к изучению биологических механизмов и закономерной связи разнообразных реакций с их стимулами, и при разрешении этой задачи, как мы уже пытались выше показать, можно обойтись без учета психики, если, конечно, не видеть в ней самобытного действенного начала. Повидимому, Корнилов и не склонен и сам трактовать так психику, раз он определенно заявляет, что „наука о поведении животных может вполне обойтись без всяких данных самонаблюдения“¹. Но еще раз спросим в таком случае, разве у животных нет психики (т. е. субъективных переживаний) и чем же поведение человека отличается от поведения животных? Несомненно, своей сложностью, а эта сложность зависит исключительно от иной биологической структуры и социальной среды, функцией которых и является поведение, и так как эти определяющие поведение условия иные, то и поведение иное и психика иная, но последняя является лишь субъективной его стороной, конечно, более сложной и разнообразной, чем у животных, но не обладает в противовес психике животных свойствами самостоятельного фактора, влияющего на поведение непосредственно вне мозговых процессов. И если с этим согласиться, то нужно согласиться и с тем, что, раз учение о поведении животных может обойтись без данных самонаблюдения, то и изучение объективной нервно-физиологической природы реакций человека также может обойтись без учета психики, т. е. субъективных переживаний. Упрекать же объективистов в агностицизме или в том, что они при своей специальной работе не учитывают психики со всем ее своеобразием, все равно, что упрекать в агностицизме физика за то, что он при исследовании физических свойств, например, металлов, не учитывает их химических свойств. А ведь он это делает не потому, что отрицает эти другие свойства, а потому, что они остаются за пределами его исследования, и изучение этих последних он предоставляет химии. Но, как физик не говорит, что он исчерпал своим исследованием все, что

¹ Корнилов — Сборник „Проблемы современной психологии“, стр. 17.

относится к телам и явлениям, так и объективист не говорит, что он исследовал своими методами все, что характеризует личность; нет, остались неисследованными субъективные состояния. Корнилов делает ту же ошибку, что и Челпанов, утверждая, что объективисты будто заявляют, что они в своем исследовании охватили все, чем характеризуется личность. Ни один объективист этого никогда не говорил, за исключением Watson'a, так как последний вовсе не признает психики. Таким образом, не все объективисты сводят все явления, имеющиеся в организме, к одним лишь рефлексам, поэтому упрекать их в том, что они отождествляют психику с движением, тем самими в наивном материализме не приходится.

Последнее, наконец, возражение Корнилова, предъявленное объективистам, — именно, недооценка социальных факторов и чрезмерный биологизм — справедливо, но к каждой школе приложимо по-разному и касается оно не столько метода, сколько общих воззрений авторов. Так, Бехтерев не только не отрицает, но весьма подчеркивает значение социальных факторов на поведение; но ошибка его заключается в другом, не только в биологизме, а в том, что как биологические, так и социальные явления он пытается построить на общих механических принципах, исходя из своей энергетической концепции. К Павлову указанное обвинение совершенно не приложимо, потому что вся его работа и все его устремления направлены лишь в сторону изучения физиологии головного мозга, а поведение он до сих пор изучал лишь у животных, и ведь и сам Корнилов говорит, что собака времен Аристотеля и теперешняя мало разнятся в своем поведении. От переноса же полученных выводов на человека Павлов постоянно предостерегает.

Заканчивая на этом разбор возражений, направленных против объективного направления в исследовании личности, мы остаемся в убеждении, что, несмотря на все нападки, этому направлению суждено расширяться и укрепляться. Его успех обеспечивается полной согласованностью основной его сущности с основными же положениями марксизма и диалектического материализма, и даже можно сказать, что те факты, пусть еще немногочисленные, которые уже получены на этом пути, сами являются прекрасными аргументами, укрепляющими позицию материалистической философии, а это, пожалуй, более важно, так как диалектическое изучение природы состоит не в том, чтобы от фило-

софии „чистого разума“ объяснять действительность, а из действительности черпать аргументы для организации научного мировоззрения—геср. философии. Помимо конкретных фактических достижений в изучении личности основным достоинством объективного направления нужно считать именно то, что оно направлено всем своим существом на борьбу с проявлениями идеализма в какой бы то ни было форме, и кует фундамент для нового типа воззрения на личность и ее поведение.

Запугивание его кличкой „черезчур“ материализма и таинственной мощью психики не имеет никакого смысла и не может приостановить его развития. Мы опять сошлемся на Плеханова, где он говорит о значении интуитивной философии Бергсона: „Попытка взглянуть на процесс возникновения действительности с его внутренней стороны заранее осуждена на жестокую неудачу: ничего, кроме пустого мистического тумана из нее *никогда* не выходило и выйти не может. На это ответил еще Спиноза XXIII теоремой второй части своей „Этики“ (т. XVII, стр. 140).

И ведь весь смысл и назначение объективного метода, как он дан Павловым, не в том, чтобы отвергнуть сознание, а в том, чтобы при изучении реакций, сопровождающихся сознанием (действительность), взглянуть не из их субъективно-внутренней стороны (сознание), а из объективно-внешней (нервно-физиологической), и из исследования последней установить обуславливающие их механизмы. *В этом только смысле и надо понимать, что сознание не учитывается.*

Но при всем убеждении в плодотворности объективного направления при изучении личности мы считаем необходимым тут же указать, что крайне необходимо точно расценивать те результаты, которые могут быть добыты с помощью так называемого объективного метода. Переоценка значения этих результатов может принести не меньше вреда и дискредитировать самый метод, чем и недооценка. Как видно уже из всего предыдущего изложения, с помощью объективного метода исследуются разнообразные реакции организма и их нервно-физиологические механизмы, в том числе и те реакции, которые сопровождаются сознанием. Классическим примером такого изучения является учение об условных рефлексах, созданное Павловым с помощью объективного метода. Это учение дало науке объективную классификацию реакций организма и проложило путь к исследованию их нервно-физиологических механизмов. Открытые здесь факты обладают чрезвычайной ценностью, как осве-

шающие с большой точностью важнейшие вопросы, касающиеся структуры и динамики организма с биологической стороны. — Но, если полагать, что, опираясь на эти данные, можно построить специальную науку о поведении человека, с помощью которой возможно регулирование и предсказание поведения не только отдельной личности, но и всего общества, то такое предположение будет большой ошибкой, так как биологические сведения о человеке указывают лишь, какими силами и средствами он обладает для *осуществления* поведения, но как оно направляется, организуется и чем обусловлено в среде, — об этом можно судить лишь на основании данных социологии, получаемых также объективным методом, но приложенным не к исследованию биологического устройства организма, а к установлению закономерной зависимости между общественными явлениями (поведение) и экономическо-производственным состоянием общества.